
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.12

DOI 10.5281/zenodo.18399975

Бируля А. С.

Бируля Александр Сергеевич, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, д. 69, ул. Новочеремушкинская, Москва, Россия, 117418. E-mail: birulyaalexander@gmail.com.

Феномен «суда совести» в консервативном правопонимании Ф.М. Достоевского

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена «суда совести» как ключевой категории консервативного правопонимания Ф.М. Достоевского. В исследовании использовались такие методы, как: диалектический, герменевтический, сравнительный, портретный, формально-юридический. Рассматриваются такие аспекты, как кризис формального правосудия, антиномия детерминизма и нравственного релятивизма в судебных речах, метафизические основания вердикта присяжных. Основным выводом является положение о том, что обвинительный вердикт в романе, будучи судебной ошибкой, выступает актом «суда совести», утверждающим высшую правду и открывающим путь к искуплению через страдание. Автор приходит к выводу, что в философии права Ф.М. Достоевского «суд совести» является высшей инстанцией в конфликте между законом и нравственностью.

Ключевые слова: консервативное правопонимание, нравственность, правда, правосудие, совесть, суд присяжных, формализм в праве.

Birulya A. S.

Birulya Aleksandr Sergeevich, V.M. Lebedev Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117418. E-mail: birulyaalexander@gmail.com.

The phenomenon of the «court of conscience» in the conservative understanding of law of F.M. Dostoevsky

Abstract. This article explores the phenomenon of the "court of conscience" as a key category in F.M. Dostoevsky's conservative legal philosophy. The study utilizes dialectical, hermeneutic, comparative, portrait, and formal-legal methods. The article examines aspects such as the crisis of formal justice, the antinomy of determinism and moral relativism in judicial speeches, and the metaphysical foundations of the jury's verdict. The main conclusion is that the guilty verdict in the novel, being a miscarriage of justice, acts as an act of the "court of conscience," affirming a

higher truth and opening the way to redemption through suffering. The author concludes that in F.M. Dostoevsky's legal philosophy, the "court of conscience" is the highest authority in the conflict between law and morality.

Key words: conservative legal understanding, morality, truth, justice, conscience, jury trial, formalism in law.

Фигура Ф.М. Достоевского в истории русской политико-правовой мысли представляет собой уникальный синтез художественного гения и глубокого философско-правового мышления. По справедливому замечанию П.И. Новгородцева, в произведениях писателя мы находим «отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права» [13, с. 373]. С этим утверждением сложно не согласиться, и особенно показателен в данном контексте последний роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Роман «Братья Карамазовы» — это не только литературное завещание автора, но и глубинное исследование фундаментальных проблем человеческого существования, среди которых центральное место занимает вопрос о природе правосудия и трагическом разрыве между законом формальным и законом нравственным. Еще славянофилы, чьи идеи оказали влияние на становление почвенничества Ф.М. Достоевского, признавали принципиальную ограниченность формального закона, неспособного выразить всей полноты жизненной правды. С их точки зрения, закон должен «ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости» [1, с. 110–111].

Суд над Дмитрием Карамазовым оказывается не просто судебной драмой, а художественным воплощением целой философии права, укорененной в русском консервативном мировоззрении, для которого характерно предпочтение духовно-нравственных регуляторов и обычаев «юридическим, формальным правилам поведения» [2, с. 161].

Судебный процесс с художественной проницательностью раскрывает систем-

ный кризис формального подхода к праву. Суд превращается в «театрализованное представление», где живую человеческую душу подменяют психологическим анализом личности и внешних факторов среды, повлиявших на формирование Дмитрия. Особую роль в этом играют прокурор Ипполит Кириллович и защитник Фетюкович — идеологические и риторические антиподы, оказывающиеся, однако, духовными двойниками.

Прокурор, по сути, выступает в роли светского последователя «Великого инквизитора». Его обвинительная речь, как верно замечает Г.К. Щенников, построенная на жестком социально-психологическом детерминизме, выводит «поступки человека из самой ближайшей среды и самых простейших инстинктов и порывов, Дмитрий — при его воспитании и характере, при тех отношениях, которые сложились у него с отцом, — не мог не убить» [17, с. 162].

Детерминизм предполагает, что у любого следствия есть причина, и каждое событие, как писал Поль Анри Гольбах, происходит «в силу причин, действующих по определенным, постоянным законам» [3, с. 521]. В данном контексте поведение человека выводится исключительно из влияния среды обитания. Ф.М. Достоевский решительно отвергал подобный подход, предупреждая: «этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений» [6, с. 16].

Поскольку христианское консервативное правопонимание предполагает признание свободы как свободы от греха в вечном внутреннем противоборстве со злом, православие ставит «нравственным долгом человеку борьбу со средой» [6, с. 16]. Христианство, признавая личную ответственность человека, тем самым утверждает и его свободу. В целом, христианская антропология предполагает

синтез как внешней свободы (возможность по собственному усмотрению без внешнего вмешательства реализовывать или нет свой выбор определенного варианта поведения) и внутренней (самоопределение человека в отношении к добру и злу с помощью совести). Тем самым, как писал И.А. Ильин, быть духовно свободным значит «быть сильнее любого влечения своего, любой прихоти, любого желания, любого соблазна, любого греха» [10, с. 78]. Детерминизм же, по мысли Ф.М. Достоевского, приводит к безличности, лишая человека всякой самостоятельности и доводя его «до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [6, с. 16].

Следовательно, позиция прокурора представляет собой формализм, основанный на фаталистическом понимании человеческой природы, отрицающий саму возможность духовной борьбы, свободного выбора между добром и злом и чувство личной ответственности.

Защитник Фетюкович, при всей внешней противоположности, оказывается духовным двойником Ипполита Кирилловича. Его цель — завоевание внимания публики. Ключевым моментом становится финальный риторический маневр Фетюковича: «...уж так и быть, предположу, что мой подсудимый виновен» [5, с. 167]. Ради оправдания подсудимого, в невиновность которого он не верит, адвокат доходит до нравственного релятивизма, граничащего с софизмом, заявляя: убийство дурного отца — это не отцеубийство.

В романе для «мужичков» присяжных, чья мораль строилась на христианских заповедях, включая «чти отца твоего», защитная позиция Фетюковича является посягательством на народную правду. Для Ф.М. Достоевского Правда — высший общественный идеал, основанный на христианском вероучении, «включающий в себя и стремление к братству, и веру в Христа, и поиск высших ценностей» [12, с. 36].

Некоторые исследователи полагают, что присяжные вынесли обвинительный вердикт в силу «ошибочной оценки, основанной на эмоциях и смутных убеждениях» [19, р. 194]. Однако такая позиция не в полной мере отражает позицию самого Ф.М. Достоевского. Представляется более верной точка зрения, согласно которой в романе критикуется сама идея «несоизмеримости государственной юридической рациональности с человеческой душой» [14, с. 43].

Писатель признавал нравственное превосходство отечественных судей и присяжных над европейскими, поскольку в России «на преступника смотрят христиански» [9, с. 260]. Писатель был убежден, что нельзя ни искоренить, ни истребить в «сердце народа нашего жажды правды, ибо эта жажда ему дороже всего» [6, с. 58]. Этим и можно объяснить обвинительный вердикт присяжных, который стал не просто судебной ошибкой, а закономерной реакцией здорового народного правосознания на попытку оправдать греховный умысел релятивистскими доводами. Как отмечает Г.К. Щенников, присяжные «прибегают к сомнительному вердикту «Виновен!» ради утверждения незыблемости народных понятий о нравственности» [16, с. 170]. Произошел суд совести, который сознательно допустил судебную ошибку во имя высшей правды, исходя из внутреннего убеждения: не убил, но виновен.

Парадокс заключается в том, что этот суд совести, опираясь на нравственный абсолют, вынес вердикт формально законный, но фактически ошибочный, однако метафизически справедливый. Означает ли это, что Ф.М. Достоевский оправдывает осуждение невиновных? Вовсе нет. Он показывает, что когда право, будучи вспомогательной ступенью, отрывается от нравственного абсолюта (закона Божьего, закона любви), оно порождает трагические коллизии. Народная совесть, не находя выхода в законе, ищет его стихийно и слепо.

Для Ф.М. Достоевского совесть присяжных — главное благодеяние «нового суда», позволяющее безошибочно определить виновность подсудимого, однако «желательно, чтоб эта совесть присяжных была воистину просвещена, воистину тверда и укрепена гражданским чувством долга и избегала увлечения в ту или другую сторону, то есть увлечений жестокости или пагубной сентиментальности» [8, с. 10].

Присяжные, оказавшись между жестокостью психологически детерминированной схемы прокурора — «не мог не убить» — и пагубной софистикой защитника — «убил, но не виновен», — не смогли остаться на высоте «просвещенной совести». Их обвинительный вердикт — это стихийный, совестливый, но юридически слепой акт народного правосудия. Они осуждают Дмитрия не за доказанное убийство, а за ту «карамазовщину», которую так ярко обличал прокурор и которую так цинично пытался оправдать защитник. При этом они следовали не доводам прокурора, а своей совести во имя достижения правды.

Стоит отметить, что в Манифесте императора Александра II об учреждении судебных установлений от 20 ноября 1864 г. провозглашалась задача «вводить в России суд скорый, правый, милостивый» [11, с. 180]. Однако Ф.М. Достоевский, разоблачая в романе опасность морального релятивизма, отмечал в своих дневниках, что создание адвокатуры в результате судебной реформы привело к образованию юной школы «изворотливости ума и засушения сердца, школы извращения всякого здорового чувства по мере надобности» [7, с. 73]. Тем самым суды превратились «в витрины для безнравственных извращений» [18, р. 59].

Безнравственные попытки оправдания подсудимых в резонансных делах, таких как дело Веры Засулич, сформировали у писателя критическое отношение к адвокатам, которые, по его мнению, пытались бессовестно оправдывать преступников, используя любые аргументы. Не исключено, что именно поэтому про-

образом Фетюковича послужил защитник Веры Засулич адвокат П.А. Александров.

Как справедливо отмечается в исследовании министра юстиции РФ К.А. Чуйченко, посвященном данному процессу, защита сознательно сместила акцент с правовой оценки деяния на биографию Засулич и ее эмоциональное состояние таким образом, что «она представляла перед присяжными не убежденной террористкой, а кроткой, полной возмущения поборницей справедливости» [15, с. 8]. Оправдание террористки присяжными, по оценке К.А. Чуйченко, не являлось актом справедливости, поскольку решение было «глубоко безнравственным, и несправедливым, вынесенным вне права, в угоду политического настроения общества» [15, с. 11]. В данном случае детерминированность присяжных общественным настроением и релятивистские аргументы защитной речи П.А. Александрова взаимно усилили друг друга, обусловив вынесение несправедливого вердикта. Это дело стало своего рода перевертышем ситуации с Дмитрием Карамазовым: Вера Засулич совершила преступление, однако была оправдана судом присяжных, поддавшимся релятивизму защиты и радикальным политическим настроениям общества.

Таким образом, мы видим одну крайность: «виновна, но не осуждена» (Засулич), а в романе — другую: «не виновен, но осужден» (Карамазов). Оба случая — симптомы одной болезни: кризиса права, разрывающегося между бездушным формализмом и живой, но стихийной нравственностью.

Как писал Ф.М. Достоевский в частных письмах, судьбоносная ошибка суда была для него не трагедией, а необходимым этапом в духовной эволюции героя, открывающим путь к обновлению: «Он [Дмитрий Карамазов] очищается сердцем и совестью под грозой несчастья и ложного обвинения. Принимает душой наказание не за то, что он сделал, а за то, что он был так безобразен, что мог и хотел сделать преступление, в котором ложно будет обвинен судебной ошибкой» [9, с.

130]. Для Достоевского судебная ошибка, допущенная судом совести становится спасением души Дмитрия Карамазова, что соответствует идее писателя о том, что только через строгое наказание можно добиться «самоочищения страданием» [6, с. 19].

Параллельно с формальным уголовным процессом в романе разворачивается подлинный, метафизический суд — суд совести самого Дмитрия Карамазова. Герой, хотя и не совершил убийства, признает себя виновным в самом желании этого преступления еще на стадии предварительного следствия: «Принимаю, господа, принимаю муку обвинения, муку всенародного позора моего — и, может, видите, пострадать хочу, ибо страдание очищает» [4, с. 303]. Для него совесть требует принять наказание для очищения души.

На самом суде Дмитрий не будет признавать вины в убийстве, отметив в последнем слове, что пришел конец «беспутному человеку», его душе «тяжело» и он готов принять любой вердикт. Эта внутренняя борьба ярче всего проявляется в его ключевой фразе: с одной стороны, он клянется смиренно принять обвинительный вердикт («сам сломаю над головой моей шпагу, а сломав, поцелую обломки!»), а с другой — отчаянно просит оправдания и пощады, боясь, что непосильное страдание отнимет у него веру в Бога («возропцу! Тяжело душе моей, господа... пощадите!») [5, с. 176].

Обвинительный вердикт присяжных можно толковать как судебную ошибку с позиции уголовно-процессуального законодательства Российской империи. С другой стороны, присяжные, судя по со-

вести и принося Дмитрия Карамазова в «жертву» высшей правде, принимают непростое решение: совершить судебную ошибку, признав его виновным не из-за речи прокурора и предоставленных доказательств, а ради спасения души подсудимого через душевное самоочищение страданием.

Не случайно писатель показал иную участь Ивана Карамазова, сошедшего с ума от мук совести, и Смердякова, покончившего с собой. Каторга для Мити оказалась в этой метафизической перспективе более милосердной, чем оправдание.

Таким образом, суд в романе «Братья Карамазовых» предстает как глубокий философско-правовой этюд, раскрывающий трагедию человеческого бытия. Формальный суд, претендующий на всеведение, терпит крах, демонстрируя принципиальную ограниченность в познании внутренней правды о человеке. Но этот крах, в системе консервативного правопонимания Ф.М. Достоевского, открывает дорогу торжеству высшего, метафизического суда — суда совести. Судебная ошибка становится духовно спасительной для героя, открывая ему путь к искуплению через страдание, о спасительной силе которого так настойчиво писал сам автор.

В этом — квинтэссенция его взгляда: подлинный суд совершается в глубине человеческого духа, а задача права — не подменять этот суд, осознавая свою ограниченность, не мешать его свершению, а в идеале — способствовать ему через отрицание, по словам самого Ф.М. Достоевского, сплошного оправдания и признания искупительной жертвы страдания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 636 с.
2. Васильев А.А. Консервативные политико-правовые взгляды почвенников (Ф.М. Достоевского, А.А. Григорьева, Н.Н. Стрхова) // Современное право. 2011. №1. С. 158–162.
3. Гольбах П.А. Избранные произведения В 2-х т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1963. 714 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 14. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 511 с.

5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 15. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 623 с.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 21. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. 551 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 22. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1981. 407 с.
8. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 23. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 423 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений В 30-х т. Т. 30, кн. 1. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 455 с.
10. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1208 с.
11. Именной, данный Сенату Указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864 (№ 41319–41641). СПб: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. № 41473. С. 179–180.
12. Кантор В.К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М.: Худож. лит., 1983. 192 с.
13. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с.
14. Оботурова Н.С. Специфика государственно-правовых идей Ф. М. Достоевского и их современное значение // *Ius Publicum et Privatum*. 2023. № 3. С. 39–45.
15. Чуйченко К.А. Дело Веры Засулич: к вопросу о балансе правовых ценностей в истории отечественного судопроизводства // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2025. Т. 16. № 1. С. 4–13. DOI 10.21638/spbu14.2025.101.
16. Щенников Г.К. Мысль национальная в романе «Братья Карамазовы» и функции повествования в сценах двух судов // *Достоевский: Материалы и исследования*. 1997. Т. 14. С. 164–170.
17. Щенников Г.К. Художественное мышление Ф.М. Достоевского. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1978. 175 с.
18. Conlon B. Dostoevsky v. the juridical reforms of 1864: how and why on the nineteenth-century Russia's greatest writers criticized the nation's most successful reform // *Russian Law Journal*. 2014. Vol. 2. No 4. P. 7–62.
19. Kirillova N.P., Lisanyuk E.N. Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's The Karamazov Brothers // *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science*. 2019. Vol. 48. P. 193–204.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Aksakov I.S. Nashe znamya – russkaya narodnost'. M.: Institut russkoj civilizacii, 2008. 636 s.
2. Vasil'ev A.A. Konservativnye politiko-pravovye vzglyady pochvennikov (F.M. Dostoevskogo, A.A. Grigor'eva, N.N. Strahova) // *Sovremennoe pravo*. 2011. №1. S. 158–162.
3. Gol'bah P.A. Izbrannye proizvedeniya V 2-h t. T. 1. M.: Socekiz, 1963. 714 s.
4. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 14. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1976. 511 s.
5. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 15. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1976. 623 s.
6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 21. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1980. 551 s.
7. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 22. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1981. 407 s.
8. Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 23. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1988. 423 s.
9. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij V 30-h t. T. 30, kn. 1. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1988. 455 s.
10. Il'in I.A. Put' duhovnogo obnovleniya. M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. 1208 s.
11. Imennoj, dannyj Senatu Ukaz ot 20 noyabrya 1864 g. «Ob uchrezhdenii sudebnyh ustanovlenij i o Sudebnyh ustavah» // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sобрание второе. Т. XXXIX*.

- Otdelenie vtoroje. 1864 (№ 41319–41641). SPb: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1867. № 41473. S. 179–180.
12. Kantor V.K. «Brat'ya Karamazovy» F. Dostoevskogo. M.: Hudozh. lit., 1983. 192 s.
  13. Novgorodcev P.I. Sochineniya. M.: Raritet, 1995. 446 s.
  14. Oboturova N.S. Specifika gosudarstvenno-pravovyh idej F. M. Dostoevskogo i ih sovremennoe znachenie // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 3. S. 39–45.
  15. CHujchenko K.A. Delo Very Zasulich: k voprosu o balanse pravovyh cennostej v istorii otechestvennogo sudoproizvodstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2025. T. 16. № 1. S. 4–13. DOI 10.21638/spbu14.2025.101.
  16. SHCHennikov G.K. Mysl' nacional'naya v romane «Brat'ya Karamazovy» i funkcii povestvovaniya v scenah dvuh sudov // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya. 1997. T. 14. S. 164–170.
  17. SHCHennikov G.K. Hudozhestvennoe myshlenie F.M. Dostoevskogo. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978. 175 s.
  18. Conlon B. Dostoevsky v. the juridical reforms of 1864: how and why on the nineteenth-century Russia's greatest writers criticized the nation's most successful reform // Russian Law Journal. 2014. Vol. 2. No 4. P. 7–62.
  19. Kirillova N.P., Lisanyuk E.N. Truth and Legal Argumentation in Fyodor Dostoevsky's The Karamazov Brothers // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, and Political Science. 2019. Vol. 48. P. 193–204.

Поступила в редакцию: 15.12.2025.

Принята в печать: 30.01.2026.